
Слава Зорина
Врач для Алисы
БОСС ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Слава Зорина

Врач для Алисы. Босс под прикрытием

«Автор»
2026

Зорина С.

Врач для Алисы. Босс под прикрытием / С. Зорина — «Автор», 2026

— Вашей дочери нужен живой отец.— А вам какое дело? Вы — врач. Пришли, ушли, получили деньги.— А ещё я ваша соседка и три месяца смотрю, как Алиса разговаривает только с моим котом, потому что вы слишком заняты саморазрушением.Он швырнул костыль в стену, попытался встать сам и не смог.— Вы ничего обо мне не знаете!— Почему же? Знаю. Ваша жена погибла и вы считаете себя виноватым. А ещё вашей дочери нужна не няня, она смотрит на вас каждый вечер с надеждой, а вы отворачиваетесь. — Замолчите.— Нет. Потому что Алиса сегодня впервые заговорила. И, удивительное дело, не с вами, не с няней или со мной, а с моим котом!Между ними слишком много: чужие секреты, преданное доверие, мужчина, готовый уничтожить обоих... и несколько недель до Дня Валентина, чтобы понять, иногда сломанные люди — единственные, кто может собрать друг друга заново.

© Зорина С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Слава Зорина
Врач для Алисы. Босс под прикрытием

Глава 1

Соседний дом пустовал почти год. Сначала там жила пожилая пара, потом они съехали то ли к детям, то ли дети определили их куда-то, я так и не узнала, уж слишком быстро пропали старики. Сегодня еще кто-то копошился в доме, а вечером, когда я приехала с работы, дом уже был пуст. В отличие от старшего поколения, младшее никогда не желало дружить домами или общаться с соседями.

После них риелторы водили каких-то людей, показывали участок, тыкали пальцами в окна, но никто не задерживался. Может, дело было в цене, может, в расположении, а может, потенциальных покупателей отпугивала мёртвая герань в кашпо на крыльце, которую я каждый раз порывалась выкинуть, но так и не собралась. Как говориться, чужая герань — чужие проблемы…

За этот год я привыкла к тишине справа от себя. К тёмным окнам по вечерам и заколоченным ставням, к ощущению, что моя личная территория чуть больше, чем положено по документам. И вот — фургон, я заметила его еще с поворота на нашу улицу, грузчики в серых комбинезонах бегали туда-сюда, таская коробки и мебель.

Я припарковалась на своём месте, заглушила двигатель, но выходить не спешила. Сидела и разглядывала суету за лобовым стеклом, как в кино, только попкорна не хватало.

Двое мужчин тащили диван. Бежевый, громоздкий, с какими-то немыслимыми подлокотниками в виде львиных лап. Вкус предыдущих хозяев или новых — пока неясно, но мысленно я уже посочувствовала тем, кому на этом сидеть. За грузчиками по дорожке шла женщина лет шестидесяти, может, чуть старше. Тёмное пальто, прямая спина, короткая стрижка… что-то в ней напоминало школьную директрису, которая точно знает, кто разбил окно в спортзале, даже если это случилось до её прихода. Она прижимала телефон плечом к уху и одновременно руководила процессом:

— Левее! Да не ваше левее, а нормальное человеческое левее! Вот так, осторожнее с косяком!

Грузчики послушно вильнули, диван застрял в дверях, женщина закатила глаза и продолжила говорить в трубку что-то неразборчивое.

А потом я увидела девочку.

Она сидела на нижней ступеньке крыльца, обхватив колени руками, и смотрела куда-то мимо всего этого хаоса. Светлые волосы, собранные в хвост, не тугой, а такой, какой завязывают, когда некогда или не до того. Серая куртка, розовые сапожки с каким-то рисунком, кажется, котики. На вид малышке был лет шесть, может, семь.

Вокруг неё суетились взрослые, что-то кричали, тащили, роняли, извинялись, а она не шевелилась. Словно кто-то нажал «паузу» на её персональном пульте и забыл включить обратно.

Я нахмурилась, более пристально всматриваясь в детское личико. Я видела такое раньше, и состояние малышки не было связано с особенностями развития, нет. Это была травма, что-то произошло… и теперь ребёнок вроде бы здесь, но на самом деле где-то очень далеко, в том месте, куда взрослым хода нет…

Девочка не плакала, не крутила головой, не реагировала на грохот, когда один из грузчиков уронил коробку с посудой. Просто сидела и смотрела в одну точку.

Женщина в тёмном пальто закончила разговор, убрала телефон и обернулась, то ли почувствовала мой взгляд, то ли просто так совпало. Несколько секунд мы смотрели друг на друга через моё лобовое стекло, потом она коротко кивнула — не приветственно, а скорее констатирующе: вижу тебя, ты видишь меня, формальности соблюдены. Я кивнула в ответ, подхватила сумку с заднего сиденья и наконец выбралась из машины.

Холодный январский воздух сразу забрался за воротник, и я пожалела, что утром решила не надевать шарф. Утром я вообще много глупостей решаю — например, что пять минут дополнительного сна важнее завтрака, что бутерброд в машине считается полноценным приёмом пищи, и что от одной чашки кофе из автомата ничего не будет, хотя будет, ещё как будет, и изжога тому свидетель!

Я прошла мимо соседского крыльца, стараясь не пялиться на девочку. Не получилось, конечно. Она так и сидела, неподвижная и отрешённая, и розовые сапожки с котиками казались чем-то неправильным рядом с её пустым взглядом.

Ключ, как обычно, застрял в замке. Этот замок ненавидел меня с первого дня и пользовался любой возможностью это продемонстрировать. Я крутила ключ, толкала дверь плечом, мысленно перебирала все известные мне ругательства и краем глаза видела, что девочка на соседском крыльце так и не пошевелилась.

Замок наконец сдался. Я ввалилась в прихожую, захлопнула дверь и привалилась к ней спиной, переводя дух.

— Мяу, — просигнализировал Шпрот с интонацией «ну наконец-то, обслуживающий персонал соизволил явиться».

Он сидел посреди коридора, черный и пушистый, и смотрел на меня с тем выражением морды лица, которое я за три года научилась переводить как «ты опоздала, миска пуста, жизнь несправедлива, немедленно исправляй ситуацию».

— Я тоже рада тебя видеть, — проворчала, скидывая сапоги. — И да, я знаю, что опоздала. На целых семь минут. Видишь, мир не рухнул, а твое жирное и пушистое пузо все еще на месте.

Шпрот фыркнул, именно фыркнул, у него это отлично получается — развернулся и потрусил на кухню. Точно, чтоб показать дорогу, как будто я могла забыть, где стоит его миска. Как будто я не насыпала в неё корм каждый божий день вот уже три года!

Я прошла за ним, на автомате включила чайник, насыпала корм в миску и Шпрот немедленно начал есть так, словно голодал неделю, а не шесть часов, и достала телефон.

Два пропущенных от мамы, одно сообщение от Лены из процедурного: «Планёрка завтра в 8!!! Самойлов велел передать, не опаздывай, он опять на всех орал». И ничего от Игоря.

Я посмотрела на экран ещё секунду, потом набрала его сама.

Гудок. Ещё один. На третьем он взял трубку, и в первую секунду я услышала какой-то фоновый шум: голоса, смех, звон бокалов, то ли бар, то ли чей-то дом.

— Да? — Голос у него был рассеянный, слегка раздражённый, как будто я оторвала его от чего-то важного.

— Привет. Ты во сколько сегодня?

Повисла пауза, а шум на фоне стал тише, он, наверное, отошёл куда-то или прикрыл трубку рукой.

— Задержусь. У Кирилла день рождения, ребята после работы зашли к нему отметить. Ты же не против?

— А, — сказала я. — Ладно. Клёво повеселиться.

— Ага. Целую.

Он отключился до того, как я успела ответить. Впрочем, кого я обманываю, я и не собиралась…

Чайник закипел и щёлкнул, выключаясь. Я достала чашку, ту самую, с дурацкой надписью «Лучшему врачу», которую мне подарили коллеги на прошлый день рождения. Насыпала заварку, залила кипятком и уставилась на поднимающийся пар.

Кирилл из хирургии... День рождения…

У Кирилла из хирургии день рождения в апреле. Я это точно помню, потому что в прошлом году мы всем отделением скидывались на подарок — какой-то дорогой виски, кажется, — и я ещё ворчала, что не понимаю, зачем дарить алкоголь хирургу, руки у него не дрожат разве после таких подарков. А Лена тогда смеялась и говорила, что руки у Кирилла вообще не дрожат, даже если он с похмелья, проверено.

Но сейчас-то конец января.

Шпрот закончил ужинать и теперь сидел на подоконнике, уставившись в окно с видом сурового охранника, которому доверили важный пост. За окном темнело, и в соседском доме начали зажигаться огни: сначала на первом этаже, потом на втором.

Я отхлебнула чай, обожгла язык и чуть не выругалась вслух.

Можно было позвонить Игорю снова. Спросить, у какого именно Кирилла день рождения в январе, уточнить адрес, предложить заехать. А можно было устроить сцену, выяснение отношений, все эти «ты мне врёшь» и «я тебе не верю». Можно было… но ни мне, ни ему не нужно.

Я отставила чашку, подошла к окну и встала рядом со Шпротом, глядя на соседский дом. Там, за освещёнными окнами, кто-то двигался — тени мелькали за занавесками, женщина в тёмном пальто, наверное, всё ещё руководила процессом расстановки мебели.

А девочка? Где сейчас девочка с пустым взглядом и розовыми сапожками?

— Что думаешь? — задумчиво спросила я Шпрота.

Он посмотрел на меня, моргнул медленно и снова отвернулся к окну. Что бы это ни значило, я решила считать это ответом, а именно, что хана нашим владениям и тишине. Где дети, там и родители, а где родители, там и детские дни рождения, даже если сам ребенок их не хочет, но хотят фоточки из соцсетей. Контент он такой, сам себя не напилит…

Но пока что вечер тянулся рутинно-привычно. Я приготовила себе что-то отдалённо напоминающее ужин: макароны с сыром, причем вываленном на них прям кусками, даже на терку не потерла, потому что мне снова не хватило сил на нормальную еду. Проверила почту — ничего срочного. Посмотрела кусок какого-то сериала, не запомнив ни одного имени и легла в двенадцать, хотя знала, что не усну.

Так и вышло.

Я лежала в темноте, слушала, как за стеной что-то скрипит и думала о том, как странно складывается жизнь.

Мне тридцать один год. Ипотеку ещё выплачивать четырнадцать лет и три месяца — да, я считала. Работа в частной клинике, которую люблю, но от которой иногда хочется сбежать на необитаемый остров. Отношения, в которых всё вроде бы нормально — если не задавать лишних вопросов и не думать о том, у какого именно Кирилла сегодня день рождения…

А между тем, мама каждый месяц спрашивает про свадьбу. Подруги показывают фотографии детей и новых кухонь. Лена из процедурного рассказывает про мужа — вечно что-то натворил, вечно где-то накосячил, но это же любовь, Марин, ты не понимаешь. Может, и не понимаю. Может, в этом и проблема…

Шпрот запрыгнул на кровать, потоптался по моим ногам, нашёл место поудобнее и улёгся, включив свой моторчик. Урчание у него громкое, терапевтическое почти — когда он так делает, мне всегда становится чуть легче дышать и сразу в сон клонит.

Я закрыла глаза и попыталась не думать ни о чём — ни о девочке с пустым взглядом, ни об Игоре с его враньём, ни о завтрашней планёрке в восемь утра.

Глава 2

На планёрку я всё-таки опоздала.

Самойлов посмотрел на меня так, будто я лично нанесла ему оскорбление! Я пробормотала «извините», протиснулась между Леной и новенькой медсестрой, имя которой вечно вылетало у меня из головы, и приготовилась к очередному утреннему разносу.

Но разноса не случилось.

Самойлов — главный врач, гроза ординаторов и человек, способный одним взглядом довести до нервного тика, стоял у своего стола непривычно тихий. Даже какой-то растерянный, что для него было примерно так же естественно, как балетная пачка на борце сумо. Рядом с ним топтались двое незнакомых мужчин в дорогих костюмах, эти точно не были врачами. У врачей другая осанка, другой взгляд, и уж точно никто из нас не носит запонки на планёрку в восемь утра.

— Итак, — Самойлов откашлялся, — у меня для вас новость. Вернее, объявление. — Он покосился на мужчин в костюмах, как будто ждал разрешения продолжать. Один из них едва заметно кивнул. — Клиника сменила владельца. С сегодняшнего дня «Биомед» принадлежит новому собственнику.

Лена толкнула меня локтем в бок, я толкнула её в ответ, наш универсальный код для «потом обсудим».

— И кто же это? — спросил Петрович из рентгенологии, он вообще никогда не стеснялся задавать неудобные вопросы.

Самойлов снова посмотрел на костюмированных мужчин.

— Имя собственника пока не разглашается, — ответил тот, что кивал. Голос у него был такой же гладкий, как костюм — ни складочки, ни эмоции. — Но могу заверить, что все условия трудовых договоров остаются в силе. Никаких сокращений пока не планируется.

Пока…

Когда люди в дорогих костюмах говорят «никаких сокращений», это обычно значит, что сокращения уже запланированы, просто список ещё не утверждён.

— В ближайшие дни в клинике будет проводиться аудит, — продолжал мужик. — Просим отнестись с пониманием и оказывать содействие нашим специалистам.

О, прекрасно. Это значит, что какие-то незнакомые люди будут рыться в документах, задавать вопросы и смотреть на всех так, будто подозревают в краже бинтов и пластырей.

Планёрка закончилась быстро, Самойлов явно хотел поскорее отделаться от костюмов и осмыслить происходящее в одиночестве. Мы высыпали в коридор, и тут же стало шумно: все говорили одновременно, строили версии, вспоминали слухи.

— Говорят, это кто-то из нефтянки, — возбуждённо рассказывала Лена, хватая меня за рукав. — У Катьки из регистратуры муж в налоговой работает, он сказал, что какой-то олигарх скупает медицинские активы по всей области.

— Откуда муж Катьки знает про олигархов? — усомнилась я.

— Ну, он не прямо знает, но слышал от кого-то, кто слышал...

— А, ну тогда конечно. Железный источник.

Лена обиженно поджала губы, но обижаться долго не умела, это было одно из её многочисленных достоинств.

— Ладно, может, и враньё. Но согласись, странно всё это. Григорьев владел клиникой и получал нехилую прибыль, с чего бы ему продавать?

С чего бы — хороший вопрос. Григорьева я видела от силы раз пять за всё время работы, он почти не вмешивался в дела клиники, оставляя всё на Самойлова, и я, честно говоря, иногда забывала, что у «Биомед» вообще есть хозяин.

А теперь, пожалуйста, новый собственник, проверки, аудит, люди в чёрном…

Что-то назревало, и мне это не нравилось.

Игоря я нашла в ординаторской, он сидел за столом, уставившись в телефон с таким видом, будто там, в прямом эфире транслировало начало апокалипсиса!

— Привет, ты слышал про нового владельца?

Он вздрогнул, честное слово, реально вздрогнул, как будто я застала его за чем-то запретным. Телефон моментально исчез в кармане халата.

— А? Да. Слышал.

— И что думаешь?

— Ничего не думаю. Ну сменился владелец, нам-то что, работа та же.

Он выглядел плохо. Не в смысле внешности, Игорь всегда выглядел хорошо, это была одна из его главных черт, которая поначалу меня и привлекла. Высокий, тёмные волосы, улыбка, от которой пациентки млели, а медсёстры хихикали. Но сейчас под глазами залегли тени, а пальцы, которыми он барабанил по столу, подрагивали.

— Ты в порядке? — спросила я, садясь рядом.

— В полном.

— Игорь.

— Что?

Я помолчала, подбирая слова. За полтора года отношений я так и не научилась с ним разговаривать по-настоящему. Не про работу, не про бытовые мелочи, а про то, что происходит на самом деле. Каждый раз, когда пыталась, он отшучивался или переводил тему, и я отступала. Потому что так проще и не хотелось ссориться, потому что... да много почему!

— Вчера, — начала я осторожно. — Ты сказал, что у Кирилла день рождения.

— И?

— У Кирилла из хирургии день рождения в апреле.

— Другой Кирилл, — сказал он ровным голосом. — Из фитнес-клуба. Ты его не знаешь.

— Из какого фитнес-клуба?

— Марина. — Он встал, отодвинув стул так резко, что тот скрипнул по полу. — У меня пациент через пятнадцать минут. Можем мы не устраивать допрос?

Я хотела сказать, что это не допрос и я просто спросила. И как будто бы нормальные люди в нормальных отношениях разговаривают друг с другом, и это не считается преступлением. Но Игорь уже выходил из ординаторской, и я осталась сидеть одна, глядя на закрывшуюся дверь.

После обеда меня поймала Лена — буквально поймала, схватив за локоть у входа в процедурный.

— Ты слышала? — Её глаза горели тем особым блеском, который появлялся только при наличии действительно сочных сплетен. — Про Валеева и Назарова?

Валеев и Назаров были ведущими хирургами клиники. Оба — мужчины за пятьдесят, оба — с безупречной репутацией и длинным списком благодарных пациентов. Валеев оперировал мою маму два года назад и она до сих пор при каждом удобном случае рассказывала, какие у него золотые руки.

— Что с ними?

Лена оглянулась по сторонам — театрально, как в шпионском фильме — и понизила голос:

— Их вызвали наверх. К этим, в костюмах. Три часа там сидели, представляешь? А потом Валеев вышел весь красный, хлопнул дверью и уехал. Прямо посреди рабочего дня.

— Может, личное что-то?

— Ага, личное. — Лена фыркнула. — Катька из регистратуры видела, как он коробки из кабинета выносил. Вещи собирал.

Я нахмурилась. Валеев был частью клиники, как стены и тот жуткий фикус в холле, который никто не поливает, но он почему-то не умирает. Почти как дохлая герань у дома соседей…

— Думаешь, уволили?

— Не знаю, — Лена пожала плечами, — но Светка из бухгалтерии сказала, что аудиторы копаются в финансовых документах. И начали они ещё до того, как нам официально объявили про смену владельца! И что они нашли какие-то несоответствия!

— Какие несоответствия?

— Да я откуда знаю! — Она всплеснула руками. — Светка сама толком не поняла, но говорит, что речь шла о каких-то левых платежах. Типа откатов.

Откаты? Да ладно, в нашей клинике?! Я попыталась осмыслить эту информацию, но она не укладывалась в голове. Хотя... если подумать. Валеев всегда назначал дорогие обследования. Очень дорогие и порой не совсем необходимые… Тогда я списала все на скурпулезность врача и желание все предусмотреть…

— Ещё ходят слухи, — продолжала Лена, понижая голос до еле слышного шёпота, — что новый владелец какой-то молодой богач. То ли айтишник, то ли ещё кто. И что он купил клинику специально, чтобы всех вычистить. Типа мести.

— Месть? За что?

— Не знаю. Может, его родственника тут плохо лечили. Или ещё что…

Это звучало как бред. Кто в здравом уме покупает целую клинику ради мести? Хотя я читала истории и покруче, люди делают странные вещи, когда у них много денег и много боли.

— Ладно, — я высвободила локоть из Лениной хватки, — мне пациентов смотреть. Потом расскажешь, если что-то новое узнаешь.

— Обязательно! — Она просияла. — Я тебе в мессенджер напишу, если что!

Я пошла по коридору к своему кабинету, думая обо всём сразу: о Валееве и загадочном новом владельце, об Игоре с его Кириллом из фитнес-клуба… У двери кабинета я остановилась, достала телефон, открыла переписку с Игорем. Последнее сообщение было моим: «Спокойной ночи».

Он не ответил.

Раньше отвечал всегда. «И тебе», «Сладких снов», «Люблю» — короткие, дежурные фразы, но они были. А теперь пустота.

Я убрала телефон и толкнула дверь кабинета.

Может, это и к лучшему, вообще все и молчание моего мужчины и новый шеф. Клинике давно нужна была встряска. Новая метла, которая выметет всё лишнее: Валеевых с их откатами, и серые схемы, и всё то, на что мы годами закрывали глаза. А мне в отношениях? Тоже она нужна?

Глава 3

Шпрот исчез.

Я обнаружила это в семь вечера, когда пришла домой после смены и привычно позвала его с порога. Обычно он появлялся сразу же, выныривал откуда-нибудь из-под дивана или с подоконника, демонстративно потягивался и шёл ко мне с видом «ну наконец-то, я тут чуть не умер от голода и одиночества». Но в этот раз меня ждала тишина и… пустота.

— Шпрот? — Я прошла на кухню. — Шпрот, ты где?

Заглянула в комнату — никого. В ванной тоже. Под кровать, за шкаф, в тот угол за креслом, куда он иногда забивался, когда обижался на меня за что-нибудь. Везде было пусто… но зато окно на кухне было приоткрыто.

Я точно помнила, что оставляла его на микропроветривание, я так делала каждый день, а ещё я точно знала, что Шпрот никогда не интересовался этим окном. За три года он ни разу не пытался через него сбежать! Зачем, если дома тепло, еда и персональный человек, который чешет за ухом по первому требованию?

А теперь — сбежал.

Я схватила куртку и выскочила на улицу.

Январский вечер встретил меня темнотой и холодом. Фонари вдоль улицы горели через один, половина вечно не работала, и жители посёлка давно перестали жаловаться в управляющую компанию, потому что толку от этих жалоб было как от козла молока. Я прошла вдоль своего дома, заглядывая под кусты и негромко подзывая кота.

— Шпрот! Шпрот, иди сюда! Кис-кис-кис!

Я обогнула свой таунхаус, проверила задний двор — ничего. Калитка, ведущая к соседям, была закрыта, но не заперта, и я на секунду замерла, решая, стоит ли туда соваться. Мы даже не познакомились толком. Только кивнули друг другу позавчера, и всё.

А потом я услышала голос…

Тихий, еле различимый, детский. Даже не слова это были, скорее какое-то бормотание и до боли знакомое мяуканье!

Этот мерзавец был у соседей.

Я толкнула калитку и прошла по дорожке к соседскому крыльцу. Свет горел на первом этаже, из-за занавесок пробивались тёплые жёлтые полосы, а на ступеньках, тех самых, где позавчера сидела девочка с пустым взглядом, сейчас никого не было. Но голос доносился откуда-то сбоку, из-за угла дома.

Я обогнула крыльцо и замерла.

Девочка сидела на садовой скамейке, закутанная в плед, а на её коленях, развалившись со всем возможным комфортом, лежал мой чёрный предатель. Она гладила его медленно, осторожно, и что-то шептала ему на ухо, так тихо, что я не могла разобрать слов. Шпрот жмурился от удовольствия и урчал как трактор.

— Простите!

Я вздрогнула и обернулась. Женщина в тёмном пальто, та самая, раздающая ценные указания грузчикам, стояла у задней двери дома, прижимая к груди кружку с чем-то горячим.

— Простите, — повторила она, подходя ближе. — Я хотела позвонить вам, но не знала номера. Он пришёл сам, часа два назад. Я думала выставить его за калитку, но Алиса... — Она кивнула на девочку, и голос её чуть изменился, стал мягче. — Похоже, это была любовь с первого взгляда, я не решилась прогнать.

— Ничего страшного, — пробормотала я, хотя внутри всё ещё кипела праведная обида на своего котьку. — Он у меня вообще-то домосед, никогда раньше не сбегал.

Женщина слабо улыбнулась:

— Дети и животные всегда находят друг друга.

Мы помолчали. Я смотрела на девочку — Алису, теперь я знала её имя. Она не обращала на нас никакого внимания, полностью поглощённая котом. В тусклом свете, падающем из окон, её лицо казалось очень бледным и очень серьёзным. Не детское лицо, если честно…

— Меня зовут Зинаида Павловна, — наконец нарушила молчание моя новая знакомая. — Я... — она запнулась, подбирая слово, — помогаю по хозяйству и присматриваю за Алисой.

— Марина, живу по соседству. Очевидно.

— Очевидно, — согласилась Зинаида Павловна, и уголки её губ дрогнули в намёке на улыбку. — Хотите чаю? Замёрзли, наверное, пока искали своего беглеца.

Я хотела отказаться — поздно уже, завтра на работу, куча отговорок сразу в голову пришла, но что-то меня остановило.

— Спасибо, с удовольствием.

Кухня у соседей оказалась большой и какой-то... незаконченной. Коробки с кухонной утварью так и стояли в углу не до конца распакованные, а стульях хоть и бали расставлены, но как-то хаотично. Тем неменее, на столе с погасшим экраном стоял ноутбук, валялась стопка бумаг, а рядом с ней позабытая кружка с остатками кофе. У меня сложилось какое-то четкое ощущение временности, транзита, как будто люди здесь не живут и не собираются, а пережидают что-то.

— Вы врач? — Зинаида Павловна налила мне чаю, села напротив. Интересно, что вопрос звучал не «кем работаете», а сразу — врач. Видимо, что-то во мне выдавало профессию.

— Терапевт. В частной клинике.

— А-а, — она кивнула, как будто это что-то объясняло. — Это хорошо. Врачи — полезные соседи.

Я отхлебнула чай и решилась спросить:

— Алиса... она ваша внучка?

— Нет. — Зинаида Павловна покачала головой. — Я няня. Работаю у Верновых с её рождения.

Верновы... Значит, это их фамилия.

— А родители?

— Мать Алисы погибла три месяца назад. — Лицо Зинаиды Павловны изменилось. — Автокатастрофа. Пьяный водитель вылетел на встречку.

Я опустила чашку на стол, вот оно что… теперь ясно почему девочка сидела на крыльце как выключенная, не реагируя на грохот и крики грузчиков.

— Мне очень жаль….

Зинаида Павловна кивнула.

— Дмитрий Сергеевич — отец Алисы — тоже был в машине. Выжил, но... — Она помолчала, подбирая слова. — Множественные переломы и у него травма позвоночника. Провели три операции за три месяца, слава Богу, удачно прочло все. Он только начал ходить, на костылях пока.

— Он здесь? — Я оглянулась, как будто ожидала увидеть этого Дмитрия Сергеевича в дверном проёме.

— Да, но уже наверху. Отдыхает. — Зинаида Павловна чуть поморщилась. — Переезд его вымотал, хотя он, конечно, никогда в этом не признается.

Я снова посмотрела в окно, за которым темнел сад. Алиса всё ещё сидела на скамейке со Шпротом. Плед сполз с одного плеча, но она не поправляла его, слишком увлечённая котом.

— Она не разговаривает.

Зинаида Павловна вздохнула:

— С того дня ни слова не сказала. Психологи говорят, это реакция на травму. Селективный мутизм… Обещают, что пройдёт со временем.

— Но вы не верите?

Она поморщилась, потом взглянула на меня каким-то другим взглядом, как будто решала, можно ли мне доверять.

— Я верю, что Алисе нужен отец. А отец... — Она не договорила, махнула рукой. — Он сам пока не в себе. Смотрит на неё и видит Ксению. Жену. Они были очень похожи.

— Мой кот, — выдала я вдруг, вновь переведя взгляд в окно. — Пусть приходит к ней, если помогает. Ну и в гости заглядывайте, наш со Шпротом черед гостей принимать.

Зинаида Павловна моргнула, явно не ожидая такого предложения.

— Вы уверены?

— Да. — Я и сама удивилась, насколько уверена. — Шпрот всё равно теперь дорогу знает, будет частым гостем.

— Спасибо. Это... это очень по-доброму с вашей стороны.

Я допила чай и встала.

— Мне пора. Завтра рано вставать. Но если что-то понадобится — врачебный совет, помощь какая-нибудь — я рядом.

— Я запомню. — Зинаида Павловна тоже поднялась, проводить меня до двери. — И ещё раз простите за кота.

— Всё в порядке. Честное слово.

Мы вышли на крыльцо. Алиса по-прежнему сидела в саду, и когда я подошла к ней, чтобы забрать Шпрота, она подняла голову и посмотрела на меня.

Глаза у неё были серые, огромные, и в них было столько всего, что я не смогла разобрать. Боль, страх, одиночество… или мне просто показалось, потому что я уже знала её историю?

— Мне нужно его забрать, — сказала мягко. — Но он может приходить к тебе в гости. Каждый день, если хочешь.

Алиса не ответила, но пальцы её, лежащие на черной шерсти, чуть дрогнули.

Шпрот, мерзавец, посмотрел на меня с выражением «и зачем ты всё портишь?», но всё-таки позволил себя взять на руки.

— Спокойной ночи, — сказала я девочке. — Увидимся.

Дома я опустила Шпрота на пол, и он немедленно удалился в сторону кухни с видом оскорблённого достоинства.

— Предатель, — сказала я ему в спину. — Продался за почесушки!

Глава 4

Следующие три дня прошли в тревожке и очень нервно. На работе творилось непонятное: аудиторы ходили по отделениям с планшетами и каменными лицами, Самойлов срывался на всех подряд, а в курилке (я не курила, но иногда выходила за компанию с Леной), только и разговоров было, что о Валееве и Назарове.

Обоих уволили. Официально — по собственному желанию, но все конечно же понимали, что это за «желание» такое. Катька из регистратуры клялась, что видела, как Назаров выходил из кабинета Самойлова с таким лицом, будто ему только что сообщили о конце света. А Валеев, говорят, вообще грозился судом, но потом резко передумал, видимо, ему показали что-то, после чего судиться расхотелось.

— Откаты, — шептала Лена, округляя глаза. — Точно тебе говорю. Они брали откаты от фармкомпаний за назначение определённых препаратов. Светка из бухгалтерии сказала, там такие суммы могут быть — закачаешься...

— Светка из бухгалтерии много чего рассказать может, — хмыкала я, но внутри все тревожно холодело.

Если в делах замешаны Валеев и Назаров, значит, могут быть и другие. Я же очевидно обманывалась, думая, что в нашей клинике честные, настоящие, деятельные! Но даже не это беспокоило так сильно. Мы все ждали следующего увольнения. Стало очевидно, новый владелец, кем бы он ни был, явно намерен копать до конца.

И, как на зло, Игорь стал меня избегать.

Нет, формально всё было как обычно: мы виделись в коридорах, перебрасывались парой слов, он даже один раз зашёл ко мне в кабинет — принёс кофе из автомата, постоял минуту, глядя в стену, и ушёл, сославшись на пациента. Но что-то изменилось. Он больше не задерживался поболтать, не предлагал пообедать вместе, и не писал дурацкие сообщения в течение дня — те самые, которые раньше раздражали, а теперь их отсутствие раздражало ещё больше.

Я пыталась с ним поговорить, но он только отнекивался и говорил, что всё нормально, просто устал, много работы и так дальше, бесконечно его просто-просто-просто. Слово «просто» он произнёс раз пять, и каждый раз оно звучало всё более фальшиво.

Ну, я и отстала. Возможно, нам и правда нужно время на переосмысление, мы куда-то катимся, но явно не туда, куда хотелось бы.

А между тем, Шпрот каждый вечер сбегал к соседям.

Смирившись, я даже перестала закрывать окно на кухне, всё равно бесполезно, он находил способ выбраться. Видимо, стоило принять, что мой кот теперь живёт на две семьи, и каждый вечер около семи топает через двор к Верновым, а возвращается ближе к десяти, сытый и довольный. Зинаида Павловна пару раз подходила извиниться, я отмахивалась — ничего страшного, пусть ходит. Алисе он нужнее...

Саму Алису я видела издалека: на крыльце, в саду, иногда в окне второго этажа. Она по-прежнему не разговаривала, по крайней мере, при взрослых. Но Зинаида Павловна сказала, что с котом девочка болтает всё больше. Целыми фразами иногда, шёпотом, так тихо, что не разобрать слов, но всё-таки — слова. Это уже что-то!

Отца её, Дмитрия Сергеевича, я так и не видела. Ни разу.

***

Звонок от Игоря застал меня в пятницу вечером, когда я уже переоделась в домашнее и раздумывала, чего бы такого сварганить на ужин из того печального набора продуктов, что обнаружился в холодильнике.

— Привет, — его голос звучал подозрительно бодро и по-деловому. — Слушай, есть разговор.

— Слушаю…

— Тут такое дело... — Он замялся. — На клинику пришел заказ, скинули на меня. Заказ от частника, с хорошей оплатой, но я сейчас не могу взять, сама понимаешь, с этим аудитом времени вообще ни на что нет.

— И?

— И я подумал, может, ты возьмёшь?

— Что за заказ? — звучало очень странно. Каждый лечащий или реабилитолог, неважно, дорожил клиентурой. В клинике даже был негласное правило, два смежника никогда не полезут в чужой “огород”. А тут, пожалуйста, сам отдает хлебное место…

— Реабилитация. Мужик после аварии, множественные переломы, травма позвоночника, да стандартный набор, сама понимаешь. Он уже прошёл основное лечение, сейчас ему нужны регулярные процедуры — массаж, ЛФК, всё такое. На дому.

— На дому?

— Ага. — Снова шуршание. — Он не особо мобильный пока, на костылях еле ходит. Так что надо к нему ездить.

— И где он живёт?

— В том-то и прикол! — Игорь рассмеялся, но смех вышел каким-то натянутым. — Он живёт в «Сосновом берегу». В твоём посёлке, буквально по соседству с тобой, если я правильно понял адрес.

— Подожди, это случайно не дом номер...

— Семнадцать, — подтвердил Игорь в унисон со мной. — Точно, семнадцать. Вернов Дмитрий Сергеевич. Знаешь его?

Я молчала несколько секунд, переваривая. Разве бывают такие свпадения?

— Марин? Ты там?

— Да. Да, я здесь. Это... мой сосед. Новый. Они переехали на прошлой неделе.

— О, круто! — Игорь явно обрадовался. — Значит, тебе вообще никуда ездить не надо, пешком дойдёшь. Слушай, это реально выгодный заказ, он платит хорошо, и если всё пойдёт нормально, там работы на несколько месяцев минимум, а это стабильные хорошие бабки.

— А почему ты не хочешь взять сам?

— Я же сказал — времени нет, — раздраженно бросил он. — Аудит, отчёты, сама знаешь, что творится. Меня Самойлов с потрохами съест, если я ещё и левые заказы начну брать.

Левые заказы. То есть частная практика в обход клиники, а ведь только что сказал, что через клинику заказ поступил... Да и вообще, раньше это его не смущало — я знала, что Игорь подрабатывает на стороне, многие так делали. Но сейчас, с новым владельцем и аудитом...

— Ладно, — несмотря на все это, я согласилась.И правда ведь, соседний дом. — Скинь мне контакты.

— Уже скидываю! — Он снова обрадовался, и в этой радости было что-то неприятное, какое-то облегчение, как будто он сбросил с себя груз. — Спасибо, Маринка, я твой должник.

Маринка... Он не называл меня так уже месяц, наверное.

— Пока, — сказала я и отключилась.

Через минуту пришло сообщение с номером телефона…

Я сидела на кухне, уставившись в телефон, и пыталась понять, что чувствую.

С одной стороны, деньги и правда не помешают. Ипотека сама себя не выплатит, да и вообще, дополнительный доход никогда не бывает лишним. Если Вернов платит хорошо, как сказал Игорь, это может здорово поправить мой бюджет.

С другой стороны — это мой сосед. Человек, с которым мне жить бок о бок непонятно сколько лет. Профессиональные отношения с соседями штука скользкая. Что, если не сложится? Что, если он окажется сложным пациентом, из тех, что вечно недовольны, вечно жалуются, вечно знают лучше врача, как их лечить? Мне потом с ним через забор здороваться.

А ещё — Алиса. Если я стану лечить её отца, это как-то изменит наши... что? Отношения? Какие у нас отношения, я её видела три раза издалека!

Шпрот вернулся около девяти, как обычно. Запрыгнул на подоконник, посмотрел на меня с выражением «ну, как дела у прислуги?» и принялся вылизываться.

— Ты знаешь Дмитрия Сергеевича? — спросила я его.

Шпрот не ответил. Видимо, вопрос показался ему недостойным внимания.

— Я буду его лечить. Наверное. Если он согласится.

Кот зевнул, продемонстрировав впечатляющий набор зубов, и спрыгнул с подоконника. Я посмотрела на телефон. Позвонить ему? Написать? Подождать до завтра?

Нет, решила я. Не буду звонить сегодня, завтра суббота, зайду лично. Представлюсь нормально, объясню ситуацию. Всё-таки мы соседи, странно было бы начинать со звонка.

Суббота выдалась пасмурной, с низким серым небом и мелким колючим то ли мокрым снегом, то ли дождем. Он то начинался, то прекращался, не давая понять, брать зонт или нет. Я проторчала у окна минут двадцать, собираясь с духом, потом плюнула, накинула куртку и вышла.

Калитка к Верновым была приоткрыта. Я толкнула её и прошла по дорожке к крыльцу.

Дом выглядел иначе, чем неделю назад. Кашпо с мёртвой геранью исчезли, вместо них стояли какие-то морозоустойчивые кустики в горшках. На окнах появились занавески. Все таки дома созданы для того, чтоб в них были люди. Сразу чувствуется что-то уютное и не мрачное.

Я поднялась на крыльцо и нажала звонок.

Сперва не было слышно совершенно ничего, а потом раздались шаги, медленные, неровные и… стук чего-то твёрдого о пол.

Дверь открылась, и я увидела его.

Дмитрий Вернов стоял в дверном проёме, опираясь на костыли. Высокий, с неожиданно стильно подстриженными темными волосами, статный, а не хлюпик (почему-то в своей голове я рисовала его задохликом), а лицо… волевое, мужественное вообще сбивало с толку. Ему было, наверное, лет тридцать пять, может, чуть больше, трудно сказать, когда человек выглядит так, будто не спал несколько суток.

— Вы кто? — Он смотрел на меня, и в его взгляде не было ничего приветливого. Вообще ничего.

Голос тоже был соответствующий: низкий, хриплый, с интонацией человека, которого оторвали от чего-то важного ради какой-то ерунды.

— Марина Савельева, — отрапортовала я, стараясь, чтобы голос звучал профессионально. — Ваша соседка. И врач. Мне передали, что вам нужна реабилитация.

Он продолжал смотреть на меня молча. Несколько секунд ничего не происходило — только дождь моросил за моей спиной и где-то вдалеке лаяла собака.

Потом он уточнил:

— Игорь прислал?

— Да.

— Понятно.

И захлопнул дверь у меня перед носом.

Глава 5

Я стояла перед закрытой дверью и пыталась понять, что только что произошло?!

Дождь усилился, холодные капли стекали по воротнику куртки мне за шиворот, а где-то в глубине дома слышались его неровные шаги, с характерным стуком костылей. Удаляющиеся.

Он что, серьёзно?!

Нет, ну я, конечно, могла развернуться и уйти. Вернуться домой, написать Игорю, что клиент отказался, и забыть об этом заказе как о страшном сне. Никто бы меня не осудил, в конце концов, я не нанималась терпеть хамство от незнакомых мужиков, пусть даже они пережили трагедию и передвигаются на костылях.

Но я не ушла.

Вместо этого я снова нажала на звонок. И ещё раз. И ещё.

Шаги внутри остановились. А потом медленно, я в красках представила, с какой неохотой, он начал топать к двери.

Дверь распахнулась, и Дмитрий Вернов уставился на меня с выражением человека, обнаружившего на пороге особо назойливую муху или бодрую распространительницу сетевой косметики.

— Вы глухая? — спросил он. — Или с восприятием какие-то проблемы?

— Я врач, — ответила спокойно. — И мой профиль помогать людям, которые нуждаются в реабилитации. Даже если эти люди ведут себя как... — Я запнулась, подбирая слово.

— Как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.